

## ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Т. В. ГАМКРЕЛИДЗЕ

### СОВРЕМЕННАЯ ДИАХРОНИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА И КАРТВЕЛЬСКИЕ ЯЗЫКИ (I)

1. Вторая половина XX столетия ознаменовалась в истории языкознания возрастанием интереса к вопросам диахронической лингвистики, некоторым возвратом к разработке проблем, возникших в классическом, сравнительном индоевропейском языкознании. К такому возрастанию в наши дни интереса к проблемам диахронической лингвистики привело общее развитие лингвистической мысли последних десятилетий: преодолевая сосюрговскую антиномию между синхронной и диахронической лингвистикой, она стремится к построению такой лингвистической теории, которая обладала бы большей объяснительной силой по сравнению с сугубо синхронными теориями описательной, таксономической грамматики, строящейся строго на основе эмпирической языковой данности.

Снятие провозглашенного «Курсом общей лингвистики» де Соссюра примата синхронной лингвистики над диахронической, преодоление тенденций, которые преобладали в теоретическом языкознании начиная с 30-х годов нашего столетия, является одной из характерных особенностей современной лингвистики. Синтез синхронной и диахронической лингвистики осуществляется путем проникновения понятий, методов и операций синхронной лингвистики в лингвистику диахроническую. Современная диахроническая лингвистика — это теория языковых преобразований во времени, обогащенная новыми понятиями, методами и приемами лингвистического анализа, особо тщательно разработанными в синхронной лингвистике<sup>1</sup>. В этом смысле развитие синхронной лингвистики, детальная разработка методологии синхронного лингвистического анализа сыграли значительную роль в оформлении современной диахронической лингвистики и содействовали их слиянию в единую цельную лингвистическую теорию, предполагающую обязательное рассмотрение языка как в синхронном, так и диахроническом аспектах<sup>2</sup>.

Конечной задачей диахронической лингвистики является реконструкция ранних языковых состояний с целью выявления путей становления и развития исторически засвидетельствованных родственных языковых систем. Языки считаются родственными, т. е. происшедшими из общего

<sup>1</sup> W. P. Lehmann, Saussure's dichotomy between descriptive and historical linguistics, «Directions for historical linguistics. A symposium», Austin — London, 1968, стр. 12 и сл.; U. Weinreich, W. Labov, M. J. Herzog, A theory of language change, там же, стр. 126 и сл.; «Empirical foundations for a theory of language change», там же; O. Szemérenyi, Trends and tasks in comparative philology, London, 1962, стр. 6 и сл.

<sup>2</sup> A. Martinet, The unity of linguistics, «Word» 10, 2—3, 1954; его же, Linguistique structurale et grammaire comparée, «Travaux de l'Institut de linguistique. Faculté des lettres de l'Université de Paris», I (1956), 1957, стр. 9.

языкового источника, именуемого языком-основой, или праязыком, если и только если между этими языками удастся установить регулярные фонемные соответствия в корневых и аффиксальных морфемах, отражающие регулярный характер фонемных преобразований языка. Принцип «регулярности фонетических изменений», провозглашенный сравнительно-исторической лингвистикой XIX в., является поистине величайшим достижением лингвистической науки, содействовавшим последующему бурному развитию исторического языкознания<sup>3</sup>. Принцип регулярности фонетических изменений и определяемые им методы лингвистического анализа превратили «науку о языке», предполагавшую в то время преимущественно историческую лингвистику, в одну из самых строгих научных дисциплин среди гуманитарных и социальных наук.

Принцип регулярности фонетических изменений и основанная на нем регулярность фонемных соответствий между родственными языками, разработанные сравнительным языкознанием XIX в. в основном на материале древних индоевропейских языков, действительно, как показали последующие исследования, не только в отношении языков с древней письменной традицией, развитие которых можно проследить по сохранившимся письменным памятникам, но и в отношении языков бесписьменных и младописьменных.

Существовавший долгое время в индоевропейском сравнительном языкознании скепсис относительно возможности восстановления предистории языков, на которых не сохранились древние письменные памятники, ограничивал сферу сравнительного метода древнеписьменными языками и тем самым превращал его в частный метод лингвистического анализа, применимость которого определялась культурными традициями исследуемых языков.

Вовлечение в сферу сравнительно-исторических штудий все большего количества разносистемных языков, не обладавших письменной историей, значительно расширило область применения сравнительного метода и выявило универсальность принципа регулярности фонетических изменений. Решающее значение имели в этом отношении исследования Л. Блумфилда о протоалгонкинском языке, реконструированном на основе сравнения и сопоставления между собой группы бесписьменных языков Северной Америки. Исследования Блумфилда продемонстрировали несостоятельность распространенного в индоевропейском сравнительном языкознании взгляда на неэффективность сравнения и реконструкции языков при отсутствии письменных памятников, отражающих более ранние этапы их развития<sup>4</sup>. Особую ценность в этом смысле приобретают работы Н. С. Трубецкого по сравнительному анализу фонологических систем северокавказских языков, в которых устанавливаются регулярные соответствия между согласными фонемами ряда бесписьменных и младописьменных языков<sup>5</sup>.

Для теории сравнительной грамматики показания картвельских (южнокавказских) языков, среди которых лишь грузинский язык обладает древней письменной традицией, восходящей к V в. н. э., имеют особую ценность: эта группа языков занимает некоторое промежуточное положение между языками типа индоевропейских, сравнительная грамматика которых строится преимущественно на данных древних письменных па-

<sup>3</sup> Ch. F. Hockett, Sound change, «Language», 41, 2, 1965, стр. 186 и сл.

<sup>4</sup> См.: Э. Бенвенист, Классификация языков, «Новое в лингвистике», III, М., 1963; M. R. Haas, The prehistory of languages, The Hague — Paris, 1969, стр. 21 и сл.

<sup>5</sup> См.: N. Trubetzkoy, Studien auf dem Gebiete der vergleichenden Lautlehre der nordkaukasischen Sprachen, «Caucasica», fasc. 3, 1926.

мятников, и бесписьменными языками типа алгонкинских, современные исследователю языковые состояния которых сопоставляются друг с другом в целях реконструкции общей для них праязыковой системы.

Подобная реконструкция праязыковой системы достигается путем сопоставления исторически засвидетельствованных родственных языковых систем и путем ретроспективного движения от одного языкового состояния к другому, более раннему состоянию со структурной верификацией каждого из этих состояний в отношении типологических данных<sup>6</sup>. Такое ретроспективное движение от одного состояния к другому должно продолжаться до тех пор, пока не будет достигнуто языковое состояние, из которого могут быть выведены все исторически засвидетельствованные родственные языковые системы при допущении определенного множества типологически вероятных и последовательных трансформаций. Подобные трансформации переводят нас из исходной языковой системы в более поздние языковые состояния, являющиеся результатом ее структурных преобразований.

Постулируемые таким путем структурные трансформации могут быть охарактеризованы как «вертикальные», или «диахронические» (в отличие от «горизонтальных трансформаций», порождающих новые конструкции в пределах той же системы). С их помощью дедуцируются различные родственные языковые системы из теоретически постулируемых исходных структурных моделей; последние отражают языковую систему, принимаемую за общую основу исторически засвидетельствованных родственных языков.

По своей объяснительной силе в отношении языковой структуры «вертикальные», или «диахронические трансформации», выводящие исторически засвидетельствованные формы языка из определенных теоретических конструкций, которые считаются более ранними в хронологическом отношении ступенями этих форм (их «архетипами»), сравнимы с «горизонтальными трансформациями» трансформационно-порождающей грамматики, выводящими наблюдаемые конструкции языка, которые относятся к его поверхностной структуре, из теоретически постулируемых базисных конструкций, составляющих глубинную структуру языка<sup>7</sup>.

«Диахронические трансформации», сформулированные в терминах так называемых правил переписывания, которые располагаются в определенной последовательности с учетом простоты и непротиворечивости описания, отражают порядок следования во времени (относительную хронологию) описываемых диахронических процессов<sup>8</sup>.

2. Изложенные принципы диахронического анализа языков дают возможность реконструировать древнейшие структуры картвельских языков и восстановить картину их становления и исторического развития. Регулярные фонемные соответствия, устанавливаемые между картвельскими (южнокавказскими) языками — грузинским, мегрельским, лазским и сванским, — дают основание рассматривать эти языки как родственные, происшедшие из общего языкового источника, именуемого условно общекартвельским (пракартвельским) языком.

<sup>6</sup> См.: Р. Якобсон, Типологические исследования и их вклад в сравнительно-историческое языкознание, «Новое в лингвистике», III.

<sup>7</sup> См.: T. V. Gamkrelidze, A typology of Common Kartvelian, «Language», 42, 1, 1966, стр. 69 и сл. О глубинной и поверхностной структуре см.: N. Chomsky, Deep structure, surface structure and semantic interpretation, «Studies in general and Oriental linguistics presented to Shirô Hattori», Tokyo, 1970, стр. 52 и сл.

<sup>8</sup> Ср.: M. Halle, Phonology in generative grammar, «Word», 18, 1—2, 1962, стр. 54 и сл.; T. V. Gamkrelidze, Деаффрикатизация в сванском. «Правила переписывания» в диахронической фонологии, Тбилиси, 1968.

Общекартвельская языковая система, продуктом распада, дифференциации которой считаются исторические картвельские языки, не относится к числу исторически засвидетельствованных языков. Она представляет собой некоторое структурно-теоретическое построение, некоторую языковую модель, устанавливаемую на основании определенных рядов формально-функциональных соответствий на различных уровнях между историческими картвельскими языками; эти соответствия позволяют восстановить методом сравнительной и внутренней реконструкции исходные структуры, верифицируемые на типологическом материале. Предполагается, что эти структурные модели отражают в первом приближении систему некогда существовавшего в пространстве и времени общекартвельского языка-основы, распад которого на самостоятельные языковые единицы положил начало образованию и формированию исторических картвельских языков.

Фонемная система общекартвельского языка различает определенные классы фонем, образующих специфические ряды парадигматических позиций. Принимая признак слогообразования за основу классификации фонемных единиц в системе, можно выделить в фонологической системе общекартвельского языка три основных фонемных класса: 1) класс фонем, функционирующих синтагматически только как неслоговые элементы (собственно г л а с н ы е); 2) класс фонем, функционирующих синтагматически только как неслоговые элементы (собственно с о г л а с н ы е); 3) класс фонем, функционирующих синтагматически как слоговые или неслоговые элементы в зависимости от их фонетического окружения, т. е. функционирующих в одних определенных позициях как слогообразующие, в других — как неслогообразующие (с о н а н т ы). Сонанты составляют в общекартвельской фонологической системе особый класс фонем, характеризующихся определенными дистрибутивными особенностями и противопоставляемых в этом отношении классам собственно гласных и согласных.

Приводимая фонемная таблица отражает фонологическую систему общекартвельского языка непосредственно перед дифференциацией:

|            |   |   |   |   |   |    |    |     |     |      |    |     |      |    |
|------------|---|---|---|---|---|----|----|-----|-----|------|----|-----|------|----|
| Согласные: | b | p | d | t | ʒ | c  | ċ  | č   | ž   | č̣   | g  | k   | (g') | q  |
|            | ḃ | ḡ |   |   |   | ċ̣ | č̣ | č̣̣ | ẓ̌  | č̣̣̣ | ḡ̣ | ḡ̣̣ |      | q̣ |
|            |   |   |   |   | z | s  | ž  | š   | (ž) | ṣ̌   | ɣ  | x   |      | h  |
| Гласные:   | e | ē | a | ā | o | ō  |    |     |     |      |    |     |      |    |
| Сонанты:   | j | w | r | l | m | n  |    |     |     |      |    |     |      |    |

Каждая тройка взрывных и аффрикат состоит из звонкой /b, d, ʒ .../, глухой (аспирированной) /p, t, c .../ и глоттализованной /ḃ, ḡ, ċ .../ фонем. В группе аффрикат и фрикативных фонем различаются по локальному признаку фонемы переднего ряда /ʒ, c, ċ, z, s/, среднего ряда /ž, č, č̣, š, ṣ̌/ и заднего ряда /ẓ̌, č̣̣, č̣̣̣, ṣ̣̌, ṣ̣̣̌/. Фонемы среднего ряда («свистяще-шипящие») еще в общекартвельскую эпоху передвинулись в задний ряд («шипящие») в западном диалектном ареале (мегрело-лазский и сванский) и слились («склеились») с передним рядом («свистящими») в восточном диалектном ареале (грузинский).

Сонанты манифестируются синтагматически в виде одного из своих аллофонов: слогового [i, u, ɣ ...] или неслогового [j, w, ɣ ...] в зависимости от занимаемых ими позиций в морфеме. Слоговые аллофоны сонантов представлены в позициях: # — C, C — C, C — #; неслоговые аллофоны представлены в позициях: # — V, V — C, V — #, V — C. В позиции

С — V в дистрибутивной модели наблюдаются диалектные колебания в проявлении слоговых и неслоговых элементов сонантических фонем.

В результате вокализации слоговых сонантов в исторических картвельских языках (в особенности в мегрело-лазском) возникли последовательности  $V + C_s$ , т. е. гласный (как правило, узкие гласные *o, u, i*) плюс соответствующий сонорный (неслоговой) элемент *r, l, m, n*. В сванском на месте слоговых сонантов появились гласные полного образования, тембр которых определялся тембром первичных гласных основ. В ряде случаев слоговые сонанты теряли слогообразующий характер, совпадая с соответствующими неслоговыми элементами (в особенности в грузинском).

Все эти процессы в исторических картвельских языках привели к устранению позиционного противопоставления слоговых и соответствующих неслоговых элементов, а это повлекло за собой элиминацию общекартвельских сонантов как особого класса фонем в отдельных картвельских диалектах и перераспределение фонемных единиц, унаследованных от общекартвельского языка.

Чередование слоговых и неслоговых аллофонов сонантических фонем было тесно связано в общекартвельской языковой системе с механизмом морфонологических чередований гласных, характеризующихся как аблаут или апофония. Аллофонические чередования сонантов в морфемах были мотивированы количественными чередованиями гласных, определявшими всю синтагматическую структуру общекартвельского языка. Аблаутные чередования гласных служили в общекартвельском, наряду с аффиксацией, средством формирования различных грамматических и лексических единиц. Сочетания морфем в сложные морфемные последовательности подчинялись определенным правилам чередований гласных.

Структурный анализ глагольных и именных основ, восстановление путем внутренней и сравнительной реконструкции древнейших типов картвельских форм позволяет описать основные общекартвельские модели, определявшие структуру корневых и суффиксальных морфем и правила их синтагматической сочетаемости.

Основная каноническая форма картвельской корневой морфемы выражается формулой  $CVC-$ , где символ  $C$ , обозначающий собственно согласную, может быть заменен символом  $S$ , обозначающим сонант в неслоговой функции. Следовательно, имеем следующие возможные сочетания фонем:  $CVC-$ ,  $CVS-$ ,  $SVC-$ ,  $SVS-$  с кратким гласным  $V$  (принимаящим одно из возможных значений: *e, a, o*) между элементами  $C$  и  $S$ :

$$R \rightarrow \left\{ \begin{matrix} C \\ S \end{matrix} \right\} V \left\{ \begin{matrix} C \\ S \end{matrix} \right\}$$

Специфический тип картвельской корневой морфемы представляют собой корни, содержащие вместо единичного согласного или сонанта так называемые гармоничные комплексы депессивного ряда. С точки зрения структуры корня означенные комплексы согласных представляют собой гомогенные единицы, функционально отождествляемые в структуре корня с единичными согласными.

Структура суффиксальной морфемы определяется канонической формой  $-VC$  и  $-VS$ , а также  $-V$ :

$$\text{Suff.} \rightarrow V \left( \left[ \begin{matrix} C \\ S \end{matrix} \right] \right)$$

Аблаутное чередование гласных представляет одну из основных морфонологических характеристик общекартвельского слова.

Каждая общекартвельская морфема — корневая или суффиксальная — выступает в виде различных алломорф, определяемых различными ступенями аблаута. Морфема может манифестироваться, в зависимости от

морфологического типа образования, как в форме с гласной, так и в форме без гласной. Соответственно различаются морфемные варианты (алломорфы) в полной и нулевой ступени огласовки.

Означенные аблаутные ступени морфем, обуславливающие алломорфные чередования в пределах одной парадигмы, флексивной или деривационной, определяются в основном синтагматическими правилами линейной сочетаемости морфем.

При сочетании корня с деривационным суффиксом возникает сопряженная основа, характеризующаяся двумя основными аблаутными состояниями: *с о с т о я н и е I* — корневая морфема в нормальной ступени сочетается с суффиксальной морфемой в нулевой ступени огласовки; *с о с т о я н и е II* — суффиксальная морфема в нормальной ступени сочетается с корневой морфемой в нулевой ступени огласовки:

| Состояние I                  | Состояние II               |
|------------------------------|----------------------------|
| * <i>der-k-</i> «сгибаться»  | * <i>dr-ek-</i> «сгибать»  |
| * <i>ser-t-</i> «гаснуть»    | * <i>sr-et-</i> «гасить»   |
| * <i>ker-b-</i> «собираться» | * <i>kr-eb-</i> «собирать» |

Присоединение к основе в состояниях I и II полногласного суффикса обуславливает замену ее соответственно вариантом в нулевой ступени или в ступени редукции по морфонологическому правилу о недопустимости в многоморфемной последовательности более одной морфемы в нормальной ступени огласовки (принцип моновокализма):

| Состояние I                       | Состояние II                       |
|-----------------------------------|------------------------------------|
| * <i>der-k-</i> → * <i>dr-k-a</i> | * <i>dr-ek-</i> → * <i>dr-ik-e</i> |
| * <i>ser-t-</i> → * <i>sr-t-a</i> | * <i>sr-et-</i> → * <i>sr-it-e</i> |
| * <i>ker-b-</i> → * <i>kr-b-a</i> | * <i>kr-eb-</i> → * <i>kr-ib-e</i> |

Восстанавливаемые путем сравнительной и внутренней реконструкции общекартвельские аблаутные модели отражают языковое состояние, непосредственно предшествовавшее членению общекартвельского языка на отдельные диалекты и формированию независимых языковых единиц, засвидетельствованных в виде исторических картвельских языков.

Из этой структурной модели, отражающей фонологическую и морфонологическую системы общекартвельского языка, выводимы непосредственно соответствующие системы исторических картвельских языков при допущении определенного множества типологически верифицируемых структурных преобразований или трансформаций.

3. Предлагаемая система общекартвельского языка и пути преобразования ее в исторические картвельские языки подробно изложены нами в совместной с Г. И. Мачавариани работе «Система сонантов и аблаут в картвельских языках. Типология общекартвельской структуры»<sup>9</sup>. Она явилась результатом проведения детального сравнительного анализа исторических картвельских языков и установления строгой системы фонемных корреспонденций.

Несмотря на значительные успехи в изучении и анализе отдельных картвельских языков, описании их фонетической системы и грамматической структуры (в особенности грузинского, а также мегрельского, лазского и сванского языков), благодаря работам таких грузинских лингвистов, как И. Кипшидзе, А. Г. Шанидзе, Г. С. Ахведиани, А. С. Чикобава, В. Т. Топурия и др., сравнительно-историческое изучение этих языков — установление между ними формально-функциональных соответствий, их диахроническая интерпретация и реконструкция древнейших языковых структур — все еще отставала от общего уровня, достигнутого к тому времени диахронической лингвистикой.

<sup>9</sup> Тбилиси, 1965 (далее в тексте: «Система сонантов...»).

Вопросам звуковых соответствий между картвельскими языками до последнего времени не уделялось в картвелистике должного внимания. Со времени установления еще Ал. Цагарели и Н. Я. Марром первых схем звуковых соответствий<sup>10</sup> сравнительное изучение картвельских языков мало продвинулось вперед в этом отношении. Оно до последнего времени оперировало в основном теми схемами звуковых соответствий и понятиями, которые были выдвинуты еще пионерами отечественной картвелистики.

Наблюдаемые в картвельских языках отклонения от этих схем, казавшиеся с первого взгляда случайными и бессистемными, давали повод к возникновению своеобразных гипотез о якобы «мешанном характере» картвельских языков<sup>11</sup>, о специфичности и многозначности звуковых соответствий в картвельских и других кавказских языках, требующих якобы особой методики исследования, отличной от методов сравнительного анализа таких языков, как индоевропейские или семитические.

Представления о «мешанном характере» сванского языка и взгляд на мегрело-лазский («занский») как на «трансформацию одного из диалектов древнегрузинского (или древнеиберийского) начала»<sup>12</sup> вызвали в свою очередь появление концепции о звуковых соответствиях как о соотношении «дифференцированного материала», тогда как в фонетических идентичных единицах представлены якобы не соответствия, а совпадения, представлен «недифференцированный материал»<sup>13</sup>.

Эти «пререлятивистические представления о соответствиях», как их справедливо охарактеризовал Г. В. Церетели<sup>14</sup>, еще более усугубляли впечатление о нерегулярности и спорадичности звуковых соответствий в картвельских и других кавказских языках, нарушающие якобы их регулярный характер, предлагалось даже учитывать «при обобщении данных о звуковых соответствиях» и «уточнении методики сравнительно-исторического анализа языков»<sup>15</sup>.

Однако, как это выявили последующие исследования<sup>16</sup>, за «специфичностью» и «более сложным характером» звуковых соответствий в

<sup>10</sup> См.: А. л. Ц а г а р е л и, Мингрельские этюды. II — Опыт фонетики мингрельского языка, СПб., 1880; Н. Я. М а р р, Тубал-каинский вклад в сванском, «Изв. Имп. АН», VI серия, № 18, 1912; е г о ж е, Из поездок в Сванию, «Христианский Восток», II, 1, 1914; е г о ж е, Определение языка второй категории Ахеменидских клинообразных надписей по данным яфетического языкознания, ЗВО РАО, XXII, 1—2, 1914).

<sup>11</sup> Ср. взгляд на сванский язык как на «порождение сложного исторического процесса скрещения картвельских и абхазско-адыгейских диалектов (геср. языков)»; сванский язык объявляется некоторым «агрегатом», составленным из ряда гетерогенных компонентов: занских (шипящих), грузинских и абхазско-адыгейских отложений. Этим и объясняется «спорадичность сванских соответствий» (А р н. Ч и к о б а в а, Картвельские языки, их исторический состав и древний лингвистический облик, «Иберийско-кавказское языковедение», II, Тбилиси, 1948, стр. 262, 261).

<sup>12</sup> См.: А р н. Ч и к о б а в а, указ. соч., стр. 261.

<sup>13</sup> См.: А р н. Ч и к о б а в а, Чанско-мегрельско-грузинский сравнительный словарь, Тбилиси, 1938, стр. 10 и сл. (на груз. яз.).

<sup>14</sup> Г. В. Ц е р е т е л и, О теории сонантов и аблаута в картвельских языках в кн. «Система сонантов..», стр. 035.

<sup>15</sup> К. В. Л о м т а т и д з е, Некоторые вопросы иберийско-кавказского языкознания, ВЯ, 1955, 4, стр. 80.

<sup>16</sup> См.: Т. В. Г а м к р е л и д з е, Сибилантные соответствия и некоторые вопросы древнейшей структуры картвельских языков, Тбилиси, 1959 (на груз. яз.); Г. И. М а ч а в а р л а н и, О трех рядах сибилантных спирантов и аффрикат в картвельских языках, М., 1960 («XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР»); К. Н. S c h m i d t, Studien zur Rekonstruktion des Lautstandes der südkaukasischen Grundsprache, Wiesbaden, 1962; Г. А. К л и м о в, Этимологический словарь картвельских языков, М., 1964.

картвельских языках по сравнению с языками индоевропейскими, скрывалось фактически неудовлетворительное состояние сравнительного картвельского языкознания, недостаточная изученность картвельского языкового материала и отсутствие строгих методов анализа при установлении соответствий между лингвистическими единицами. В таких условиях нельзя было, естественно, рассчитывать на создание сколько-нибудь удовлетворительной системы сравнительной грамматики картвельских языков, сводящей воедино все многообразие исторических структур и хотя бы отдаленно сравнимой с системой сравнительной грамматики языков индоевропейских или семитических.

Установлению системы регулярных фонемных корреспонденций в картвельских языках в значительной степени препятствовало положение о «мешанном характере» картвельских языков, а также тезис о «первичности занского полногласия», долгое время бытовавший в картвелистике. Согласно этому тезису, в таких соответствиях, как груз. *zayl* — «собака» ~ мегр.-лазск. *žoyor*—; груз. *klde* «скала» ~ мегр.-лазск. *kirde* ~ сван. *kož*; груз. *drk-a* «согнулся» ~ мегр. *drīk-u*, лазск. *drūk-u-n* и др., полногласные мегрело-лазские и сванские формы отражают древнейшее состояние, тогда как соответствующие грузинские формы возникли в результате синкопы безударного гласного<sup>17</sup>.

Система сонантов в картвельском была постулирована именно в противовес этому тезису, превратившемуся в своего рода догму, которая долгое время мешала развитию сравнительно-исторических исследований картвельских языков, определению древнейшей системы гласных и сведению форм исторических картвельских языков к общим исходным архетипам. При допущении сонантов со слоговыми и неслоговыми аллофонами в зависимости от занимаемых ими позиций в морфеме полногласные мегрело-лазские и сванские формы стали объяснимы как поздние образования, возникшие в результате вокализации слоговых аллофонов сонантов и фонологизации анапиксических гласных. Этим была создана предпосылка для установления строгой системы корреспонденций среди гласных и сонорных фонем; такая система позволяет единообразно объяснить целый ряд соответствий, казавшихся ранее нерегулярными и спорадичными, и свести все многообразие исторических картвельских форм к исходным общекартвельским структурам.

Другим фактором, препятствовавшим развитию сравнительных штудий картвельских языков и установлению полной системы соответствий между ними, была теория генетического родства картвельских языков с северокавказскими.

Предположение о возможных генетических связях между картвельскими и северокавказскими языками, выдвинутое в свое время на основе сопоставления структур картвельских и северокавказских языков<sup>18</sup>, было представлено в дальнейшем как неоспоримый постулат о генетическом родстве этих языков, объединяемых в общую генеалогическую семью под наименованием «иберийско-кавказских языков», и сравнительные штудии картвельских и горских кавказских языков были призваны иллю-

<sup>17</sup> Концепция «первичности занского полногласия» наиболее полно представлена в работах: А р и Ч и к о б а в а, Древнейшая структура именных основ в картвельских языках, Тбилиси, 1942 (на груз. яз.); е г о ж е, К вопросу об ударении в древнегрузинском литературном языке, I и II, «Сообщения АН Груз. ССР», III, 2, 3, 1942 (на груз. яз.).

<sup>18</sup> См.: И. А. Дж а в а х и ш в и л и, Введение в историю грузинского народа, II — Первоначальный строй и родство грузинского и кавказских языков, Тбилиси, 1937 (на груз. яз.). Предположение об исконном генетическом единстве кавказских языков высказывалось еще П. К. Усларом (см. его «Этнография Кавказа. Языкознание», II, Тифлис, 1888, стр. 35), затем Н. Я. Марром.

стрировать на материале конкретных языков этот основной тезис «иберийско-кавказского языкознания», определивший целый ряд его теоретических положений и методологических принципов<sup>19</sup>.

Положение о генетической общности «иберийско-кавказских» языков и обусловленная им направленность сравнительных штудий картвельских языков на установление этого родства привели к тому, что с вопросов внутреннего сравнения картвельских языков внимание было переключено на их внешнее сравнение и сопоставление с северокавказскими языками — со всеми вытекающими отсюда методологическими последствиями.

Особое место среди работ этого направления занимает во многих отношениях интересная и оригинальная монография А. С. Чикобава «Древнейшая структура именных основ в картвельских языках», сыгравшая в свое время положительную роль в стимулировании сравнительно-исторических штудий в отечественной картвелистике. Но эта же книга, ввиду исключительного научного авторитета и влияния ее автора, впоследствии превратилась в фактор, препятствовавший дальнейшему развитию картвелистики, возникновению в ней новых идей и точек зрения, отличных от системы изложенных в монографии взглядов: вся последующая работа в этой области сводилась в основном лишь к уточнению сформулированных в книге положений и к иллюстрации их на конкретном языковом материале.

Названная монография А. С. Чикобава направила картвельское сравнительное языкознание по пути установления в картвельских языках структурных черт, сближающих картвельские языки с северокавказскими и служащих якобы основанием для доказательства родства южнокавказских и северокавказских языков. Основное место в книге занимают выделение в картвельских языках показателей грамматических классов и постулирование одногласности картвельского корня в результате вычленения начального согласного основы в качестве показателя грамматического класса или конечного ее согласного в качестве так называемого суффикса-детерминанта.

Проводимый в монографии принцип, в соответствии с которым между сравниваемыми формами картвельских языков усматривается отношение грамматической эквивалентности без их предварительного анализа на фонологическом уровне, привел ее автора к выделению ряда элементов в картвельском корнеслове (А. С. Чикобава считает их экспонентами грамматических классов), которые сопоставляются с соответствующими классными показателями северокавказских языков<sup>20</sup>. Особенно характерен в этом отношении метод выделения элемента *d-* в качестве древнейшего форманта грамматического класса, соответствующего якобы показателю категории вещи *d-* северокавказских языков, на основании сопоставления таких картвельских форм, как груз. *sacxv-i* «липа» ~ лазск. *dicxi*; груз. *cesal-i* «огонь» ~ мегр. *dač'ir-i*, лазск. *dač'ur-i*; груз. *sisxl-i* «кровь» ~ лазск. *dic'ir-i*; груз. *žin'vel-i* «муравей» ~ лазск. *dim'ku*. Фонологический анализ этих и других картвельских форм показал несостоятельность подобных интерпретаций, объяснив различия между соответствующими картвельскими формами и появление /*d-*/ в мегрело-лазском в результате

<sup>19</sup> См.: А р н . Ч и к о б а в а , Картвельские языки, их исторический состав и древний лингвистический облик.

<sup>20</sup> К критике проводимых в работе принципов анализа и членения картвельских форм на составные элементы см.: К. Н. S c h m i d t, указ. соч., стр. 18 и сл.; ср. также: Н. V o g t, Contribution à la reconstruction du phonétisme du kartvélien commun, «Revue de Kartvélogie», 43—44, 1963, стр. 33 (далее сокращенно — RK).

диссимилиации начальных аффрикат<sup>21</sup>. В итоге теория классных показателей в картвельских языках лишилась ряда своих «опорных форм».

Предлагаемая в монографии интерпретация грузинских префиксов в качестве древнейших показателей грамматических классов вызывает также целый ряд методологических возражений<sup>22</sup>. Прежде всего, следует уточнить, для какой эпохи развития картвельского языка можно постулировать систему классного спряжения, сменившегося в дальнейшем системой личного спряжения, — относится ли эта «древнейшая структура» к общекартвельской эпохе или к эпохе становления и развития отдельных картвельских языков. Равнодушие к вопросам относительной хронологии и к разграничению хронологических уровней в развитии языка приводит, как известно, к языковым построениям, лишенным исторической перспективы.

Не может вызывать сомнений, что структура общекартвельского языка позднего периода (т. е. периода перед распадом на самостоятельные языковые единицы), реконструируемая на основании сравнительного анализа исторических картвельских языков, характеризовалась уже вполне сложившейся системой личного спряжения глагола, унаследованной в дальнейшем историческими картвельскими языками.

Гипотеза родства между картвельскими и северокавказскими языками в настоящее время не является доказанной и научно обоснованной, поскольку методом сравнительного анализа не удается установить между этими языками системы регулярных фонемных соответствий, являющихся единственным рациональным критерием для допущения изначального родства языков, их происхождения из общего языкового источника<sup>23</sup>. Замена критерия фонемных соответствий критерием структурно-типологического сходства и совпадений в звуковом облике отдельных значащих элементов для обоснования генетических связей между языками с методологической точки зрения недопустима и приводит к ошибочным языковым построениям, яркие примеры которых хорошо известны из истории языкознания.

Поэтому нет оснований для категорического утверждения о наличии исконного генетического родства между картвельскими и северокавказскими языками и для выделения особой генеалогической семьи «иберийско-кавказских языков», объединяющей все неиндоевропейские и нетюркские языки Кавказа по признаку общности происхождения<sup>24</sup>. Может сложиться впечатление, будто «иберийско-кавказские языки» составляют такую же генетическую группу языков, что и языки индоевропейские, семитические, финно-угорские и др., объединение которых в общие генетические группы основывается на строгом соблюдении принципа регулярности фонемных соответствий между языками. В действительности так называемые «иберийско-кавказские языки» включают по крайней мере три в структурно-типологическом и генетическом отношениях вполне

<sup>21</sup> См.: Т. Е. Г у д а в а, Об одном случае регрессивной дезаффрикатизации в занском (мегрело-чанском) языке, «Сообщения АН ГрузССР», XXXIII, 2, 1964 (на груз. яз.); ср.: Г. В. Ц е р е т е л и, указ. соч., стр. 032.

<sup>22</sup> См.: G. Deeters, Gab es Nominalklassen in allen kaukasischen Sprachen?, «Corolla Linguistica», Wiesbaden, 1955, стр. 26 и сл.

<sup>23</sup> См.: G. Deeters, Die Stellung der Kharthwelsprachen unter den kaukasischen Sprachen, RK, 23, 1957, стр. 12 и сл.; Н. V o g t, Remarques sur la préhistoire des langues kharthvéliennes, RK, 36—37, 1961, стр. 5; Г. А. М е л и к ш в и л и, Возникновение Хетского царства и проблема древнейшего населения Закавказья и Малой Азии, ВДИ, 1965, 1, стр. 17 и сл.

<sup>24</sup> См. «Толковый словарь грузинского языка», I, Тбилиси, 1950, стр. 005—006 (на груз. яз.); см. также статьи «Грузинский язык» (А. С. Чикобава) и «Иберийско-кавказские языки» (А. С. Чикобава и К. В. Ломтатидзе) в БСЭ<sup>2</sup> (т. 13 и 17, М., 1952).

детерминированные языковые группы. Это — южнокавказская группа, или картвельские языки, северо-западная группа, или абхазско-адыгские языки, и северо-восточная группа, или нахско-дагестанские языки. В структурнотипологическом плане обе северокавказские языковые группы (абхазско-адыгская и нахско-дагестанская) представляют полярные звенья, опосредствованные картвельским лингвистическим типом<sup>25</sup>.

Генетические отношения между этими тремя группами кавказских языков следует выяснять не путем сопоставления между собой отдельных разрозненных фактов различных современных языков из этих групп, как это, к сожалению, делается в ряде специальных исследований для доказательства родства картвельских и северокавказских языков<sup>26</sup>, а путем последовательного структурного сравнения и сопоставления между собой реконструированных систем этих трех языковых групп кавказских языков — картвельской, абхазско-адыгской и нахско-дагестанской — с целью выявления возможных фонемных корреспонденций между их праязыковыми состояниями. Следовательно, прежде чем выдвигать теорию о генетических связях между всеми тремя группами «иберийско-кавказских языков», представляется необходимым провести сравнительно-исторический анализ и реконструкцию общеабхазско-адыгской и обще-нахско-дагестанской языковых систем (как это сделано в последнее время в отношении общекартвельской системы) с целью их последующего системного сопоставления на всех уровнях языковой структуры. Эта программа лингвистических исследований в области кавказских языков, намеченная еще Н. С. Трубецким, к сожалению, все еще не выполнена<sup>27</sup>.

Окончательное решение важной проблемы отношений между отдельными группами кавказских языков зависит в значительной степени от разработки сравнительной грамматики абхазско-адыгских и нахско-дагестанских языков и реконструкции их праязыковых состояний<sup>28</sup>. При этом сравнительный анализ и реконструкция праязыковых состояний каждой из трех групп кавказских языков должны проводиться при строгом соблюдении принципа автономности этих групп, с учетом внутренних закономерностей их развития и без ориентации исследования истории одной языковой группы на показания другой и наоборот. Иноязычные данные могут быть привлечены при этом лишь со структурнотипологической точки зрения для проверки и верификации предлагаемых реконструкций и языковых построений. В этом заключается одна из неотложных задач сравнительно-генетических штудий в области кавказских языков на современном этапе развития лингвистической науки<sup>29</sup>.

Именно в этом направлении было осуществлено нами сравнительно-генетическое исследование картвельских языков, установление системы

<sup>25</sup> См. об этом: Г. А. Климов, К типологической характеристике картвельских языков, М., 1960 («XV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР»).

<sup>26</sup> О подобных сопоставлениях см.: G. Deeters, Die Stellung der Kharthwel-sprachen unter den kaukasischen Sprachen, RK, 23, 1957, стр. 12 и сл.; ср. также «Die Welt des Orients», 3, 1957, стр. 382.

<sup>27</sup> См.: BSLP, 23, 1922, стр. 184 и сл.

<sup>28</sup> Первая предварительная попытка установления закономерных соотношений между северо-западной и северо-восточной группами кавказских языков была дана Н. С. Трубецким: см. его «Nordkaukasische Wortgleichungen» («Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes», XXXVII, 1—2, стр. 76 и сл.); его же, Der Bau der ostkaukasischen Sprachen (aus dem Nachlass des Fürsten N. S. Trubetzkoy: «Wiener slavistisches Jahrbuch», 1, 1964, стр. 23 и сл.).

<sup>29</sup> Ср.: Г. В. Церетели, указ. соч., стр. 048 и сл.; ср. также: Е. А. Бокарев, Задачи сравнительно-исторического изучения кавказских языков, ВЯ, 1954, 3, стр. 41 и сл.; К. Н. Schmidt, указ. соч., стр. 10 и сл.

закономерных соотношений на различных уровнях языка с реконструкцией праязыковых структур на фонологическом и морфонологическом уровнях. Основной предпосылкой этой работы было освобождение сравнительно-исторических штудий картвельских языков от предвзятой ориентации на показания северокавказских языков, характерной для иберийско-кавказского языкознания в толковании целого ряда узловых вопросов структуры и истории картвельских языков.

В результате возникла картина общекартвельской языковой системы и путей исторического развития отдельных картвельских диалектов, принципиально отличная от представлений о структуре и истории картвельских языков, которые ранее были выработаны в иберийско-кавказском языкознании. Общекартвельская языковая система предстает перед нами как система с вполне сложившимся механизмом морфонологических чередований гласных, определявших принципы ее формообразования и словообразования.

Основная тенденция развития общекартвельского языка и образования исторических картвельских диалектов заключалась в разрушении первичной модели аблаутных чередований гласных и в усилении соответственно функциональной роли аффиксов, благодаря чему картвельская языковая система типологически сближается с языками чисто агглютинативного строя, имеющими постоянный, стабильный характер морфонологической структуры слова. Эта тенденция была в особенности характерна для западно-картвельских диалектов — мегрельского и лазского, в которых полностью была затемнена первоначальная система аблаутных отношений в результате вокализации слоговых сонантов и парадигматической унификации форм.

Иначе трансформировалась общекартвельская морфонологическая система в сванском языке, где благодаря специфическим фонологическим преобразованиям появились новые продуктивные типы функциональных чередований гласных, которые наложившись на сохранившиеся в модифицированном виде общекартвельские аблаутные модели. С точки зрения удельного веса аблаутных структур в системах исторических картвельских языков, сванский язык наиболее близок к «символической» общекартвельской языковой модели. Грузинский язык занимает в этом отношении промежуточную позицию между мегрело-лазским и сванским, представляющими как бы противоположные полюсы.

*(Окончание в следующем номере)*